

РАЗДЕЛ 5

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ, ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ И ПРАКТИКИ ПЕРЕВОДА

Г. М. Барамыкова

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Российская Федерация
e-mail: gbaramykova@gmail.com*

ПЕРЕВОД ХРОНОТОПОВ В ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЖАНРА ФЭНТЕЗИ

В данной статье мы рассмотрим особенности перевода литературных произведений жанра фэнтези; остановимся на вопросах качественного перевода жанрообразующей маркированной лексики – хромотопов, на материале произведений «Случай из практики» Кира Измайловой и “Wizard’s First Rule” Терри Гудкайнда.

Ключевые слова: Художественный перевод; хромотоп; фэнтези; культурные реалии; безэквивалентная лексика; Кира Измайлова; Терри Гудкайнд

G. M. Baramykova

*Kazan Federal University
Kazan, Russian Federation
e-mail: gbaramykova@gmail.com*

TRANSLATION OF CHRONOTOPE IN LITERARY WORKS OF THE FANTASY GENRE

The article focuses on the difficulties in the translation of literary works of the fantasy genre and dwells on the issue of proper interpretation of stylistically marked language – chronotope. The study is based on the books «Случай из практики» by Kira Izmaylova and “Wizard’s First Rule” by Terry Goodkind.

Key words: Artistic translation; chronotope; fantasy fiction; culture-specific words; non-equivalent vocabulary; Kira Izmaylova; Terry Goodkind.

С развитием технологий автоматизированного перевода проблема аутентичности и эквивалентности перевода должна была бы кануть в небытие, забыться и остаться лишь в старых учебниках по теории перевода. Однако реальность редко сходится с человеческими ожиданиями, и скачок технологий только острее обозначил различия между языками: их лексическими, стилистическими и грамматическими аспектами. Автоматический подбор наиболее близкого эквивалента для одной лексической

единицы, используемой в определенном контексте, специфической грамматической конструкции обеспечивает базовый перевод и может помочь в простейшей межкультурной коммуникации, да. Спорить с этой мыслью в реалиях современного мира довольно бессмысленно. Однако, подобного нельзя сказать о переводе художественных произведений; подбор эквивалента не может обеспечить перевод «между строк», перевод основной мысли автора, спрятанной за лексическим, грамматическим и стилистическим полотном произведения. А значит и реципиент эту мысль в переведенном тексте не найдет. Особенно, если под подобный перевод попадет произведение жанров фэнтези или фантастики.

Жанр фэнтези принято считать довольно молодым, обозначившимся в отдельную категорию лишь в прошлом столетии, вот только мир фантазий завораживал и притягивал людей задолго до первых искорок промышленной революции, за столетия до нашумевших «Властелина колец» или «Гарри Поттера». [8] Так, например, одним из предшественников научной фантастики многие исследователи и писатели считают труд немецкого математика и астронома Иоганна Кеплера «Сомниум», а у истоков фэнтези стоят знакомые нам сказки, мифы и легенды. Но, несмотря на столь богатую и древнюю историю, произведения жанра фэнтези находят своих читателей далеко за пределами той культуры, в которой они были написаны. Вот только перевод данных произведений, на наш взгляд, представляет на сегодняшний день наибольшую сложность: художественный хронотоп этих историй не только дополняется магическим реализмом, но и, в большинстве произведений, опирается на определенную историческую эпоху. У автора и читателя практически нет барьеров, если эта эпоха знакома им обоим, но в момент выхода на иностранного читателя, который не знаком всецело с определенной культурой и историей, рождается пропасть, через которую переводчик должен перекинуть мост. Тут многие могут с нами не согласиться и привести в пример слова Анджея Сапковского, польского писателя-фантаста, который говорил, что в основе большинства произведений жанра фэнтези лежит оригинальная легенда о короле Артуре и его рыцарях. Так раз все вертится вокруг одного сюжета, откуда может появиться непонимание и непереводаемость лексических единиц? И для большинства европейских произведений это будет абсолютной правдой. Легенда о короле Артуре очень популяризирована: трактаты исследователей, литературные произведения последователей и современников, оперы и мюзиклы, бесчисленное количество фильмов и сериалов, повествующих о тех самых Артуре, Гвиневре, Ланселоте и Мерлине.

Между тем стоит нам взять в руки японскую историю, китайский роман, корейскую повесть или произведение российского автора, как истин-

ность данного высказывания теряется. Здесь в основе лежат свои легенды и сказания [5], в лексике и грамматике содержатся отсылки к историческим событиям определенного геополитического пространства. Все это будет с легкостью расшифровано читателем, имеющим похожий или аналогичный культурный и исторический фон. Тем не менее, для иностранца эти детали могут остаться непонятными и отрицательно повлиять на понимание всей истории. А как же глобализация? Верно, глобализация сближает культуры, благодаря ей в наших плейлистах появляются новые исполнители, в кино-подборках – жанры, а на полках книжных магазинов теперь можно найти истории из каждого уголка нашей круглой планеты. Вот только для жанра фэнтези глобализация разве что добавила читателей, а никак не уменьшила количество непереводаемых явлений; культурная экспансия на данный момент затрагивает настоящие события и пласт ближайшего прошлого, тогда как миры писателей-фантастов уходят корнями в паутину веков, древних преданий и народных сказаний. Поэтому вопрос качественного перевода фэнтези остается как никогда актуальным. Однако, в данной статье мы подробнее остановимся на таких произведениях как «Случай из практики» Киры Измайловой и “Wizard’s First Rule” («Первое правило волшебника») Терри Гудкайнда.

Мы проанализировали данные произведения по их лексическому составу. Разобрали количество используемого авторами жанрообразующего словаря.

Так, диалогия Киры Измайловой «Случай из практики», оставаясь фэнтези-романом, несёт в себе черты и детективной истории, поскольку главная героиня произведения – Флоссия Нарен – является судебным магом. Даже в этом словосочетании, мы видим слияние двух этих жанров. На протяжении истории, читатель не только знакомится с разнообразными персонажами, укладом жизни средневекового королевства и мира, но и расследует вместе с Флоссией десятки преступлений, от конокрадства, до политического заговора против королевской власти. Кира Измайлова бесподобно ярко описывает самые маленькие детали своей истории, её произведение отличается богатством синонимичного ряда, использование большого количества исконно русских устаревших слов, словосочетаний и фраз (481 лексическая единица из 771). Даже при поверхностном прочтении с лёгкостью можно выявить схожесть реалий Позднего Средневековья и реалий, описанного К. Измайловой мира, которую автор добилась не только посредством использования специфической маркированной лексики – хронотопов, но и вводя в повествование аллюзии на известные исторические события реального Средневековья.

Обычная лексика при переводе данного произведения на английский, например, язык не вызовет большой сложности. Так, следующий абзац, можно было бы перевести следующим образом:

Первым, что пришло мне в голову, было достаточно банальное предположение: некто решил завладеть имением Шлосса, вероятнее всего, кто-то из родни, затем и разыграл этот спектакль. Но пока выходило, что цель не оправдывала затраченных средств: слишком уж много усилий для того, чтобы заполучить небольшое и не приносящее феерического дохода имение. Видимо, здесь крылось что-то еще, но что именно, я не пойму, пока не увижу всего своими глазами. [3]

‘Instantly, I made a fairly mundane assumption that someone wanted to take over the Schloss’ estate. Most likely someone from the family itself. The entire act was needed to cover that up. Yet, so far, the goal wasn’t worth the money: an immense amount of effort for a small estate that wouldn’t even pay off. There was surely something else lurking here, but I wouldn’t know what until I see it for myself.’

В этом абзаце есть несколько маркированных лексических единиц, различные грамматические конструкции, но их перевод не становится невозможным, даже в ситуации безэквивалентности; мы можем воспользоваться описательным или приближенным переводом.

Если с общей преамбулой перевода все уже более-менее разобрались, то вот с переводом маркированной лексики все еще остаются проблемы. Хронотоп фэнтези, будучи привязанным к определенным культурам и историческим событиям, сложно перевести. Так, например, в произведении Киры Стрельниковой очень большое внимание уделяется бытовой жизни (464 лексических единиц из 771) среднестатистического жителя королевства Арастен, которое пусть и похоже во многом на Средневековую Англию, всё же несёт в себе черты российского империализма и екатерининской эпохи. *Гуляния, барышня, водворение, мзда, сметливый, чадо* и многие другие слова несут в себе эти внутренние отсылки к прошлым эпохам России. Однако, все эти детали легко потерять в процессе перевода, смазать общую картину истории.

Похожая ситуация складывается и с произведением Терри Гудкайнда. У «Первого правила волшебника» гораздо более тяжелая и тёмная атмосфера, и в историческом аспекте оно уходит дальше в прошлое, чем «Случай из практики». Сама история в целом является довольно типичной для литературы – это история становления героя. Ричард Сайфер проходит путь от обычного лесного проводника до спасителя мира. При анализе лексического состава этого произведения, мы обнаружили 237 маркированных лексических единиц – хронотопов. Это практически в три раза меньше, чем в истории Киры Измайловой, что не стало большим сюрпри-

зом, поскольку многие хронотопы в англоязычном тексте были переданы через грамматические конструкции.

Мрачная атмосфера произведения не затемняет его историческую принадлежность к раннему Средневековью, которая с легкостью считывается даже в общих фразах и описательных абзацах. В «Случае из практики» большинство событий происходит в одном городе, поэтому читатель знакомится детально с бытом жителей, и все же автор часто намекает, что мир не заканчивается границами этого королевства. В случае «Первого правила волшебника» главные герои проходят длинный путь и посещают различные города и народы, поэтому читатель, путешествующий с ними, знакомится с различными уголками мира, но не всегда это знакомство получается таким глубоким. Поскольку география, охватываемая автором, очень широка, и во многих локациях герои остаются лишь на короткое время, у читателя нет возможности подробно изучить все особенности быта местных жителей. Автор больше сфокусирован на реалиях мира, в котором живут его герои, на философии, вокруг которой строятся жизни его обитателей. Здесь тяжело вычленишь отдельные лексические единицы, которые бы четко отсылали читателя к эпохам прошлого, это делают какие-то традиции, общие исторические события самого мира. Так, очень большое внимание уделяется длине волос и прическам женских персонажей, что напрямую отсылает читателя к Средневековью, где церковь также диктовала свои правила. Поэтому, в целом, перевод данного произведения не будет невозможным. Например, следующий абзац был переведен В. Ю. Кравченко, С. С. Луговским и Г. Г. Мурадян следующим образом:

People are stupid; given proper motivation, almost anyone will believe almost anything. Because people are stupid, they will believe a lie because they want to believe it's true, or because they are afraid it might be true. People's heads are full of knowledge, facts, and beliefs, and most of it is false, yet they think it all true. People are stupid; they can only rarely tell the difference between a lie and the truth, and yet they are confident they can, and so are all the easier to fool. [13]

‘Люди глупы, и, если правдоподобно объяснить, почти все поверят во что угодно. Люди глупы и могут поверить лжи, оттого что хотят верить, будто это правда, или оттого, что боятся знать правду. Головы людей полны всякими знаниями и верованиями, большинство из которых ложны, но все же люди в это верят. Люди глупы: они редко могут отличить правду ото лжи, но не сомневаются, что способны на это. Тем легче их одурачить.’[9]

В целом, в этом отрезке, как и в большей части текста нет маркированной лексики, которая была бы тяжела или невозможна для перевода,

сложность здесь кроется в смысловых и ситуационных отсылках к реальной европейской истории, которую читатель может преодолеть лишь заполняя свои пробелы в этой сфере.

Отдельно необходимо выделить лексику, относящуюся к сфере магии. Оба произведения написаны в жанре фэнтези, поэтому магия является неотъемлемой частью обеих историй. В работе Киры Измайловой из 771 лексической единицы 147 (19%) относятся именно к магическому наполнению; Терри Гудкайнд магии посвящает 98 (41%) единиц из 237. Если провести сравнение данных хронотопов, то можно найти ряд частичных эквивалентов: *spell* ‘заклинание’ – *заклинание*, *wizard* ‘волшебник’ – *волшебник*, *witch* ‘ведьма’ – *ведьмак*, *ведьма* и некоторые другие. Однако все же определенная часть маркированной лексики уникальна для каждого автора. Перевод здесь зачастую будет осуществляться либо транслитерацией – особенно для ряда терминов, которые авторы придумывают самостоятельно (*Agiel* ‘Эйджил’ – *Эйджил*; *Con Dar* ‘Кон Дар’ – *Кон Дар*), либо калькированием (*Subtractive Magic* ‘Магия Уничтожения’ – *Магия Уничтожения*), также возможен описательный перевод.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что перевод художественных текстов в жанре фэнтези осложнен часто не только и не столько лексикой, относящейся к магической наполненности произведения, сколько лексикой, отсылающая к определенным историческим эпохам. Магический хронотоп может совпадать в разных языках, однако исторический хронотоп всегда уникален для каждого региона. При переводе устойчивых выражений, устаревших слов и более неиспользуемых речевых оборотов, которыми богаты произведения жанра фэнтези, переводчику нужно будет подобрать максимально подходящий эквивалент либо же добавить сноску с объяснением определенного хронотопа.

Библиографические ссылки

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.
2. Дроздова Н. А. Лингвостилистические особенности текста в жанре фэнтези [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://sibac.info/archive/guman/5\(42\).pdf](https://sibac.info/archive/guman/5(42).pdf). – Дата доступа: 18.01.19.
3. Измайлова К. Случай из практики / К. Измайлова. – М.: Эксмо, 2011. – 704 с.
4. Измайлова К. Случай из практики. Том 2 / К. Измайлова. – М.: Эксмо, 2014. – 480 с.
5. Куликов Е. А. Специфика репрезентации реальности в вымышленных художественных мирах (на примере фэнтезийных романов Ребекки Куанг и Фонды Ли) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-reprezentatsii-realnosti-v-vymyshlennyh-hudozhestvennyh-mirah-na-primere-fenteziynyh-romanov-rebekki-kuang-i-fondy-li>. – Дата доступа: 20.01.2023.

6. Лингвистический энциклопедический словарь / В. Н. Ярцева [гл. ред. В. Н. Ярцева]. – М. : Директмедиа Паблишинг, 2008. – 5987 с.

7. Литературная энциклопедия терминов и понятий / А. Н. Николюкина [под ред. А. Н. Николюкина]. – М. : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2003. – 1600 с.

8. *Купина Н. А.* Массовая литература сегодня : учеб. пособие / Н. А. Купина, М. А. Литовская, Н. А. Николина. – 2-е изд. – М. : Флинта: Наука, 2010. – 424 с.

9. *Гудкайнд Т.* Первое правило волшебника / Т. Гудкайнд, перевод с английского В. Ю. Кравченко, С. С. Луговской, Г. Г. Мурадян. – М. : АСТ, 1994. – 1010 с.

10. Фэнтези. История жанра от Толкина до Аберкромби [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.labyrinth.ru/now/fantasy/>. – Дата доступа: 14.10.2022.

11. *Чернухина И. Я.* Элементы организации художественного прозаического текста / И. Я. Чернухина. – Воронеж : ВГУ, 1984. – 256 с.

12. *Чернышева Т.* Природа фантастики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://e-libra.ru/read/80629-priroda-fantastiki.html>. – Дата доступа: 26.02.2019

13. Goodkind Terry Wizard's First Rule / Terry Goodkind. – NYC. : Tom Doherty Associates Inc., 1997. – 848 p.

14. Oxford Advanced Learner's Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com>. – Date of access: 28.04.2022.